

Т. А. Бобровникова

«СЦИПИОНОВА ЛЕГЕНДА» В АНТИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

«Сципионова легенда» – одна из загадочных страниц в истории Римской республики. Она рисует Сципиона Африканского Старшего любимцем богов, сыном бога, человеком, постоянно общающимся с богами. Существование подобной легенды о римлянине Средней республики уникально. Ее возникновение нельзя объяснить военными заслугами Сципиона. Ничего подобного не рассказывали ни о победителе Пирра Дентате, ни о Катуде, закончившем I Пуническую войну, ни о благочестивом современнике Сципиона Фабии Максиме. Традиция обожествления складывается в Риме только начиная с Цезаря и Августа. Но, во-первых, легенды о них представляли собой искусственно создававшийся официоз. Во-вторых, обожествление первых императоров происходило по образцу, выработанному на эллинистическом Востоке. Для римлян того времени был один образец монарха – монарх эллинистический, считавшийся богом на земле. Уникальным следует признать также бытование «Сципионовой легенды» сразу у трех народов – испанцев, греков и римлян¹, религиозные верования и восприятие божества у которых во II в. до н.э. сильно разнились.

«Сципионова легенда» – очень сложный комплекс представлений. Можно выделить в ней несколько основных компонентов: 1) чудесное рождение героя; 2) боговдохновенность Сципиона, его постоянное общение с богами; 3) апофеоз после смерти.

Важно не забывать, что различные компоненты легенды появились в разное время. Еще при жизни героя его деятельность была окружена ореолом чудесного, идея апофеоза появилась уже после его смерти, согласно нашей гипотезе, во многом благодаря деятельности поэта Энния². Перед исследователем встает несколько задач. «Сципионова легенда» проходит через всю античную литературу, от Полибия до Аммиана Марцеллина. Нужно понять причины ее возникновения, восстановить ее первоначальный вид и выделить наслоения последующих эпох. Целью настоящей работы является комплексный источниковедческий разбор «Сципионовой легенды». Наряду с нарративными письменными источниками нами были использованы сравнительные материалы современной этнологии и фольклористики. Последними антиковеды до сих пор необоснованно пренебрегали³.

¹ Polyb. X. 2–3; App. Iber. 73; 88. См. также Haywood R.M. Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933. P. 13.

² Бобровникова Т.А. Сакрально-правовые и философские взгляды Квинта Энния // Ius antiquum. Древнее право. 1997. № 1(2). С. 40–44.

³ О важности фольклора для интерпретации «Сципионовой легенды» говорят ее отдельные компоненты, находящие себе параллели в устном народном творчестве, например «чудесное рождение», выделяемое фольклористами как одно из структурообразующих элементов сказки. Подробнее об этом см. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Важнейшим источником по истории «Сципионовой легенды» служит Полибий. Наряду с Геродотом и Фукидидом он принадлежит к числу наиболее авторитетных античных историков. Его сочинение по праву славится своей точностью и достоверностью. Однако при его анализе нередко забывают о влиянии на повествование Полибия определенной религиозно-философской концепции. Принимать безоговорочно все оценки историка столь же нелепо, как верить, что Крез пострадал за грех Гигеса (как бы мы ни почитали Геродота).

Труд Полибия посвящен завоеванию Римом Средиземноморья. Поэтому такое внимание в нем уделено характеру и деятельности Сципиона, начавшего это завоевание. Интересно, что рассказ о герое начинается с историографического экскурса, что в целом не характерно для античности. Наряду с письменными Полибий использовал устные свидетельства современников. Как известно, историк был воспитателем Сципиона Эмилиана, приемного внука Сципиона Африканского, и долгие годы жил в его доме. Он был лично знаком с вдовой Сципиона, его дочерьми, обоими зятьями и шурином, победителем Македонии Эмилием Павлом. Но самым ценным своим источником он считал рассказы Гая Лелия (Polyb. X. 3. 2–3). Историк объясняет, что Лелий был не только самым близким другом великого полководца, но единственным человеком, которому он открывал все свои планы. От других Сципион их тщательно скрывал, поэтому все его действия производили на окружающих впечатление неожиданных, хотя на самом деле были хорошо продуманы. Во всех кампаниях Сципиона Лелий был его ближайшим помощником. Кроме того, он имел доступ к архиву Сципиона и читал его письма (Polyb. X. 9. 3). Таким образом, историк стал единственным сохранившимся передатчиком *прижизненной* версии «легенды».

Хотя Полибий прибыл в Рим в 168 г. до н.э., через 15 лет после смерти Сципиона, о знаменитом полководце уже существовала большая литература на латыни и греческом. В исторических сочинениях как раз господствовала «Сципионова легенда»⁴. Между тем Полибий со всей беспощадностью всегда изгонял сверхъестественное из своей науки. «Необходимо изобличать и осмеивать приписывание в историю сновидений и чудес»⁵, – писал он. Поэтому, столкнувшись с распространенным убеждением о чудотворстве и сверхъестественности Сципиона, историк решил развенчать этот образ, который глубоко возмущал его. Он начинает свое повествование с критики.

Сципион, заявляет Полибий (X. 2. 5), не получал никакого вдохновения свыше. Каковы его доводы? Прежде всего историк исходит из общих абстрактных положений о возникновении религии, согласно которым религия была изобретена мудрыми законодателями для того, чтобы держать в узде невежественную толпу. Если бы все государство состояло из мудрецов в религии не было бы нужды (VI. 56. 10–12). Ведь мудрецы ведут себя соответственно нравственным нормам. Поэтому сначала историк доказывает, что Сципион был мудрецом (X. 2–3). Отсюда следует неопровержимый вывод: Сципион не был сам религи-

⁴ Р. Хейвуд считает, что многие из этих сочинений были написаны не просто при жизни Сципиона, но еще до 190 г. до н.э., когда Сципион познакомился с Филиппом Македонским. Филипп уже читал их, а потому так заинтересовался Сципионом (*Haywood. Op.cit.* P. 10).

⁵ Polyb. XII. 12b. 1. См. также XVI. 12. 5. «Всеобщая история» Полибия везде в статье цитируется в переводе Ф.Г. Мищенко.

озным человеком, но «симулировал» божественное вдохновение, т.е. рассказывал окружающим о никогда не виденных им снах и якобы слышанных голосах. Иными словами: как мудрец придумывает религию, чтобы держать в узде чернь, так Сципион придумывал свою боговдохновенность, чтобы держать в узде войско и диких иберов. Не случайно Полибий сравнивает Сципиона с Ликургом, который как мудрый законодатель-обманщик выдавал свои планы за откровение Аполлона (X. 2. 11).

Свою теорию об обмане мудрецами суеверной толпы Полибий применяет к историческим фактам, подробно останавливаясь на двух случаях, в которых принято было видеть свидетельства общения Сципиона с богами. Это эдилитет Сципиона и взятие Нового Карфагена. Почему историк выбрал эти два факта? Существует мнение, что он знал только их из «Сципионовой легенды»⁶. Однако это не так. В своей «Истории» он говорит о снах Сципиона и о голосах, причем о голосах дважды (X. 2. 9; 5. 5). Между тем в обоих упомянутых выше случаях речь идет *только* о снах. Далее, Полибий сообщает, что, по общему мнению, Сципион «поднял родное государство на такую высоту силой сновидений и вещей голосов» (X. 2. 9). Эдилитет относится к ранней юности Сципиона и, конечно, став эдилом, он не поднял Рим на «такую высоту». Взятие Нового Карфагена – большая удача, но все-таки это только первый шаг к покорению Испании. Только победив Ганнибала, Сципион действительно поднял родное государство на небывалую высоту.

Мы полагаем, что Полибий не собирался излагать в своем сочинении всю легенду, поскольку считал ее известной. Как было сказано, он начинает именно с критики ставших общим местом в тогдашней науке фактов. Напомню также, что он не считал свое сочинение популярным и обращался только к образованному читателю (IX. 1. 1–5). Два случая выбраны неслучайно и очень удачно. Первый показывает, как у Сципиона, тогда совсем юного, родилась мысль морочить людей своими видениями. Взятие Нового Карфагена показывает, как он в первый раз применил это искусство в серьезном деле. Кроме того, взятие Нового Карфагена считалось самым необъяснимым из «чудес» Сципиона. Выигранную битву можно объяснить удачным расположением войск, гениальным планом, здесь же вмещались силы природы. Этот случай был широко известен в эллинистическом мире. Недаром о нем лично спрашивал у Сципиона царь Филипп Македонский в 190 г. до н.э., т.е. через 19 лет после самого события. Поэтому вся схема Полибия была бы признана неудачной, если бы он не смог растолковать это «чудо».

Начнем с эдилитета. Согласно Полибию, старший брат Сципиона баллотировался в эдилы. Сципиону было всего 18 лет. Он понял, что у брата нет никаких шансов, и решил выставить свою кандидатуру сам. Но он был слишком юн и не знал, как посмотрит на это мать. Тогда он сказал ей, что видел вещий сон: он и его брат оба становятся эдилами. Мать отвечала, что была бы счастлива, если бы это случилось. Сципион наутро пошел на выборы. Расположенный к нему народ избрал его, а ради него и брата. Когда они оба возвратились эдилами, мать уверовала в боговдохновенность сына. Между тем сон был целиком выдуман (X. 4–5).

⁶ Haywood. Op. cit. P. 28–29.

В литературе уже давно установлено, что рассказ этот неверен от начала и до конца. Во-первых, Сципион был старшим, а не младшим братом⁷. Во-вторых, эдилом он стал в возрасте не 18 лет, а 23⁸. В-третьих, коллегой его по эдилитету был не брат, а Цетег⁹. В-четвертых, брат его стал эдилом на несколько лет позднее. И последнее: в то время, когда он баллотировался в эдилы, Сципион отнюдь не был мальчиком, боящимся матери, – он уже командовал армией, и на юге Италии чеканили монету с его изображением¹⁰. Согласно анналистической традиции, отраженной у Ливия, он спас римское войско после битвы при Каннах. Таким образом, это не было мальчишеской авантюрой – его заслуги позволили ему претендовать на магистратуру.

Перейдем теперь к событиям у Нового Карфагена. Подробный разбор их выходит за рамки настоящего исследования¹¹. Напомним лишь основные факты. Новый Карфаген являлся копией африканского и был ключом к Испании. Город считался неприступным, его можно было взять только правильной осадой или измором. Сципион же овладел им за несколько часов. К городу он подошел со стороны озера, которое искусственным каналом соединялось с морем и превращалось в лагуну. В этот день вода отступила, и римляне подошли к городу незамеченными, перелезли стены и открыли ворота своим. Еще накануне вечером Сципион объявил своему войску, что во сне ему явился Нептун и обещал свою помощь. Утром он поставил специальный отряд около лагуны (Polyb. X. 10–15).

Все окрестные народы – римляне, испанцы, греки и карфагеняне – расценили это событие как чудо. Полибий же ставит своей целью объяснить это «чудо». Сципион, по его словам, знал от рыбаков, что в заливе каждый день в определенный час бывает отлив, который и увлекает за собой воды озера. Он начал осаду только для вида, сам же ждал часа отлива. Невежественным солдатам он выдал это естественное явление за чудо. Объяснение Полибия принято было большинством античных историков. Между тем оно совершенно не согласуется с реальными фактами.

Начнем с того, что в Картахенском заливе нет никаких отливов. Однако Ливий говорит, что кроме отлива гнал воду сильный ветер (XXVI. 45. 8). Поэтому Холлвард предполагает, что вода отступила под воздействием ежедневного вечернего бриза¹². Но о подобных бризах в Картахенском заливе никаких известий нет. Кроме того, несколько соображений заставляют вообще отвергнуть эту версию. Первое: коль скоро отход воды – вызван ли он был морским отливом или ежедневным бризом – происходил каждый день регулярно, в определенный час, почему граждане не охраняли стены со стороны лагуны, ведь они знали, что это ахиллесова пята крепости? Второе: как можно было приписать это регулярно повторяющееся явление чуду? По словам Полибия, Сципион скрывал существование отлива в лагуне от солдат, чтобы они поверили в него

⁷ Ср. *Cic. Phil.* XI. 17; *Val. Max.* V. 5. 1, а также *Gell.* VI. 1 (со ссылкой на авторов жизнеописания Сципиона Гая Оппия и Юлия Гигина). Подробнее см. *Scullard H.H. Scipio Africanus. Soldier and Politician.* Bristol, 1970. P. 27–28; *Бобровникова Т.А. Сципион Африканский.* М., 1998. С. 328.

⁸ *Бобровникова.* Сципион Африканский. С. 327.

⁹ Это сообщает пользовавшийся официальными списками магистратов Ливий (XXV. 2. 6).

¹⁰ *Scullard. Scipio Africanus....* P. 30.

¹¹ См. *ibid.* P. 39–67; *Бобровникова.* Сципион Африканский. С. 60–85.

¹² *Hallward B.L. Scipio and Victory* // *CAH.* Vol. VIII. 1930. P. 85 ff.

как в чудотворца. Но римляне жили в Новом Карфагене до зимы. Как же Сципион мог допустить, чтобы воины разоблачили его обман? И почему же они так его и не разоблачили, хотя каждый день наблюдали отход воды, уже никому не нужный? Греки, римляне, карфагеняне были морскими народами. Неужели морской отлив или вечерний бриз они могли принять за чудо? Приходится допустить, что под Новым Карфагеном произошло какое-то экстраординарное явление. Скорее всего, это был необыкновенной силы ветер¹³.

Таким образом, оба факта, приводимых Полибием, изложены неверно, с грубыми фактическими ошибками. Это тем более удивительно, что совершенно не соответствует тщательной манере историка. Ведь зная лично семью Сципиона, он мог бы восстановить обстоятельства его эдилитета, а побывав под Новым Карфагеном, увидеть, что отливов там не бывает.

Эти выводы обесценивают всю фактическую аргументацию Полибия. Остаются только его теоретические положения. Но они неверны, ибо неисторичны. Полибий объясняет римские явления с точки зрения современной ему греческой жизни. Греция уже со времени Сократа и Анаксагора подвергалась влиянию философии, которая разрушала традиционную религию. Но совсем не то мы видим в Риме. Сам Полибий говорит, что его и прочих греков прежде всего поражала совершенно исключительная религиозность римлян. Когда посол царя Антиоха Великого в разгар военных действий прибыл в римский лагерь, ему сообщили, что главнокомандующий – это был как раз Сципион – остался в Европе, ибо он жрец-салий и должен весь март месяц совершать религиозные обряды. Поэтому римское войско вынуждено было прекратить военные действия на целый месяц (XXI. 13. 10–14)! По словам Полибия, религия настолько пронизывает их частную и общественную жизнь, что «невозможно идти дальше в этом отношении» (VI. 56. 7–9). Римляне сознавали это. «Предки наши были самые религиозные из смертных», – пишет Саллюстий (Cat. 12). Цицерон неоднократно подчеркивал, что римляне во многом уступают иноземцам, но всех превосходят своей глубокой религиозностью (De har. resp. 19; De nat. deor. II. 8). Причем если для самих римлян эта их черта была предметом скромной гордости, то совершенно иначе относились к ней греки. Этим просвещенным, скептически настроенным людям религиозность казалась несомненным признаком дикости и отсталости. Они едва могли сдерживать смех, увидев, что римский консул, т.е. глава государства и верховный командующий, молится и творит обряды, «как жалкий жрец-прорицатель» (Liv. XXXV. 48. 13). Полибий пишет: «То самое, что осуждается у всех других народов, именно богобоязнь, у римлян составляет основу их государства» (VI. 56. 7; здесь и далее курсив мой. – Т.Б.). Говоря о религиозности римлян, историк ни минуты не сомневается, что она вызовет осуждение у его соотечественников. Им она покажется *нелепой* (VI. 56. 9).

Огромная религиозность заметна в семье самого Сципиона. Корнелия, мать Гракхов, в письме к сыну говорит: «Когда я умру, ты будешь приносить мне жертвы и называть отчим богом» (Nep. Fr. 59). Ту же религиозность находим у ее мужа, Тиберия Семпрония Гракха. Как известно, он обнаружил в своем саду двух змей. Этрусские гаруспики объявили, что появление змей предвещает смерть хозяевам дома – умрет либо Тиберий, либо его жена. Тогда Гракх совершил необходимые обряды, чтобы обратить гибель на себя и отвратить ее от жены. Рассказ об этом случае записал сын Тиберия и Корнелии, Гай Гракх (Cic.

¹³ См. Бобровникова. Сципион Африканский. С. 72–77; Scullard. Scipio Africanus... Р. 39–68.

Div. I. 36), который сам, как известно, перед смертью горячо молился у храма Дианы (Plut. C. Gracch. 16). Эмилий Павел, брат жены Сципиона, по словам того же Плутарха, «обнаружил поистине древнее благочестие перед богами» (Paul. 3). Сохранившиеся фрагменты его речи после смерти сыновей подтверждают эти слова¹⁴. Особенно сильно было религиозное чувство в Риме во время Пунической войны. Можно напомнить исключительную набожность Фабия, отправку посольства в Дельфы и, наконец, торжественную встречу святынь Великой Матери богов.

Таково было окружение Сципиона. Появление в таком обществе «мудрого законодателя-обманщика» кажется невероятным. Полибий допускал анахронизм, как путешественники XIX в., наблюдавшие так называемые «примитивные» народы. Отечественный этнограф В.Н. Басилов пишет о них: «Наблюдателей поражало в шаманах одно и то же: бессвязные выкрики и движения, пена у рта, вытаращенные безумные глаза и полная потеря сознания в один из самых ответственных моментов ритуала. В XIX в. всему этому давалось обычно простое и понятное объяснение: шаманы – ловкие обманщики и плуты; они притворяются одержимыми бесами, чтобы обирать своих доверчивых соплеменников»¹⁵. Басилов отмечает, что в XX в. взгляд на шаманов совершенно изменился. Пора пересмотреть и взгляд на Сципиона и его видения.

II

Итак, концепция Полибия должна быть отвергнута. Наша задача теперь – попытаться восстановить дополибиеву версию легенды, причем версию прижизненную. К несчастью, Ливий, важнейший источник по истории Ганнибаловой войны, почти ничего не сообщает по интересующему нас вопросу. «Сципионовой легенде» он уделяет всего несколько строк (Liv. XXVI. 19). Он передает – причем очень кратко – слухи о его чудесном рождении (о нем мы будем говорить позднее) и о ночных посещениях храма Юпитера. Это еще один важный компонент «легенды», о котором сообщают многие античные писатели (Val. Max. I. 2. 2; [Aur. Vict.] De vir. ill. 49. 3; Dio Cass. 16. 57. 39; App. Iber. 89). Подробнее всех рассказ Авла Геллия: «Сципион Африканский имел обыкновение в конце ночи до рассвета приходить в Капитолий, просил отпереть внутреннюю часть святилища (cella) Юпитера и долго оставался там в одиночестве» (Gell. VI. 1).

Хейвуд вслед за Эд. Мейером делает попытку опровергнуть всю античную традицию и отрицает эти ночные походы. Он выдвигает два соображения: во-первых, об этих посещениях ничего не говорит Полибий, во-вторых, такого рода искренние и страстные молитвы противоречили всему духу римской религии¹⁶. Однако у нас нет никакого основания отвергать сообщение источников. Довод, касающийся Полибия, мы разбирали выше. Что же касается духа римской религии, то Скаллард справедливо обращает внимание на то, что сообщение о ночных посещениях Сципионом храма ничуть не шокировало многочисленных римлян, которые об этом писали¹⁷. О реальности этих посещений храма свидетельствует один интереснейший факт, сообщаемый о Сципионе: «Его ima-

¹⁴ *Oratorum romanorum fragmenta liberae rei publici* / Ed. H. Malcovati. Torino, 1955. № 12. Fr. 2. P. 101.

¹⁵ Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984. С. 139.

¹⁶ Haywood. Op. cit. P. 24.

¹⁷ Scullard. Scipio Africanus... P. 19–23.

го находится в cella храма Юпитера Всеблагого и Величайшего, и когда род Корнелиев совершает какой-нибудь погребальный обряд, его выносят оттуда, и для одного Сципиона Капитолий является атриумом» (Val. Max. VIII. 15. 1). *Imago* – это восковая маска, снимавшаяся с лица покойного. Такие маски предков ставились в главной комнате дома – атриуме. Маска же Сципиона находилась не в фамильном атриуме, а в cella храма. Это же сообщение находим у Аппиана (Iber. 89), причем он говорит, что изображение выносят из храма «по сей день» (vūv ἔτι).

Итак, из слов Валерия Максима следует, во-первых, что маска была помещена в храм и не просто в храм, а в cella Юпитера; во-вторых, что этой чести удостоился один Сципион; в-третьих, что для него храм был атриумом. Это совершенно явно связано с посещениями Сципионом cella Юпитера. Об этом же свидетельствует монета, выпущенная в 105 г. до н.э. Гн. Корнелием Бласионом: на одной ее стороне портрет человека в шлеме, на другой – Капитолийская триада. В человеке этом видят Сципиона, и появление монеты намекает на его особые связи с Капитолийской триадой и храмом Юпитера¹⁸.

Кроме того, Ливий вслед за Полибием говорит о божественных снах и откровениях Сципиона. Но ни одного примера он, к сожалению, не приводит. Стаций же, римский поэт I в. н.э., пишет, что в народе твердо верили Сципионовым снам, которые посылал Юпитер¹⁹. Стихи эти очень интересны. Из них ясно, что вещих снов Сципиона было много. Полибий же сообщает о двух снах, причем второй, относящийся к Новому Карфагену, наваян был Нептуном, а не Юпитером. Вероятно, именно эта «вера народа» вдохновила Цицерона, когда он писал свой «Сон Сципиона». У него вещий сон видит уже внук африканского героя, причем его вожатым в небесных сферах является Сципион Старший.

Как уже говорилось, традиция рассказывает также о вещих голосах, которые слышал Сципион. О них необычайно интересные сведения сообщает Аппиан. По его словам, вся Испания верила, что Сципион все делает по велению божества. Он постоянно слышал некий божественный голос, который называл своим даймоном (Lib. 25). Историк сообщает важную подробность: когда в 149 г. до н.э. приемный внук Сципиона Эмилиан начал совершать в Африке подвиги, старые воины стали говорить, «что ему помогает тот же даймон, который, как считали, предвещал его деду Сципиону, что должно случиться» (Lib. 491). Войско неоднократно наблюдало «вселение» этого даймона в Сципиона, причем у полководца менялись лицо и голос (Iber. 101–103).

Насколько нам известно, свидетельства Аппиана в связи с «легендой» никто всерьез не привлекал. Хейвуд отзываясь о нем довольно пренебрежительно²⁰. Вероятно, причина в том, что Аппиан в рассказе о Ганнибаловой войне должен рассматриваться как второстепенный источник: в его повествовании отсутствует битва при Великих равнинах, война не имеет единого плана и сводится к ряду беспорядочных стычек. Между тем именно это придает ему особую ценность для интересующей нас темы, поскольку говорит о том, что он опирался на дополибиеву традицию. При этом его описания видений Сципиона очень ярки и кажутся взятыми из рассказов очевидцев. Недаром он ссылается на слова стариков-ветеранов. Трудно поверить, чтобы такой автор, как Аппиан, просто выдумал все с начала до конца. Но можно возразить, что остается неясным, почему

¹⁸ Scullard. Scipio Africanus... P. 22.

¹⁹ Stat. Silv. III. 292–293: Scipio sic plenos Latio Iove ducere somnos / creditur Ausoniis.

²⁰ Haywood. Op. cit. P. 32–33.

никто из античных авторов не писал о даймоне Сципиона. Однако мы находим неожиданное опровержение этого устоявшегося мнения.

У Аммиана Марцеллина читаем, что даймоны являются посредниками между людьми и богами. Но слышать их могли только несколько человек: Пифагор, Сократ, Нума и Сципион Африканский (XXI. 14. 5). Вряд ли Аммиан Марцеллин вычитал о даймоне Сципиона у Аппиана. К счастью, он сам называет свой источник – это «теологи» (ibid. 3). Кого он имеет в виду? Так как упоминаются Нума и Сципион, скорее всего перед нами какой-то латинский писатель. И сразу же на ум приходит самый знаменитый латинский теолог Варрон. От Августина мы узнаем, что он уделял проблеме даймонов большое внимание. У него было систематическое и сложное учение о даймонах как посредниках между богами и людьми (Aug. De civ. Dei. VII. 6). Как убедительно показал Буаянсе, учение это не стоическое, как ранее считалось, а платонически-пифагорейское²¹. Имени Сципиона в дошедших до нас фрагментах сочинений Варрона нет, зато мы находим интересные сведения о втором человеке, который беседовал с даймоном, о Нуме.

Нума, второй царь Рима, считался основателем римской религии. Ему приписывали учреждение важнейших жреческих коллегий. Народное предание, известное от Антиата, Плутарха и Овидия, рисует нам Нуму как героя народной сказки. Эпизод с поимкой Пика и Фавна явно фольклорного происхождения²². Согласно мифу, божественная супруга царя Эгерия открывала ему сокровенные тайны, которые он и воплотил в римской религии. Таков был миф, с которым столкнулась римская наука. Как она к нему отнеслась? Это видно из рассказа Плутарха. Он сообщает о двух точках зрения на Нуму. Одни считают, что он принадлежал к числу мудрых законодателей-обманщиков, которые хотели придать своим замыслам «видимость божественной воли», другие считают, что он действительно получал божественное вдохновение (Plut. Num. 4).

Первая версия, несомненно, восходит к Полибию. Мы видим почти текстуальные совпадения с приведенными выше цитатами. В несохранившихся частях своего сочинения Полибий давал очерк ранней истории Рима. При этом он подробно описывал религиозные коллегии (Polyb. VI. 2; XXI. 13. 11). Он не мог обойти молчанием фигуру Нумы. Конечно, он обрисовал его согласно своей схеме. Мы находим этому замечательное подтверждение. Сатирик Луцилий, друг Сципиона Эмилиана, воспитанника Полибия, сам ученик великого историка, в одной из своих поэм рисует образ человека из толпы. «Он трепещет перед пугалами и Ламиями, *которых изобрели Нумы Помпилии и Фавны*, им он приписывает все. Подобно тому как маленькие дети верят, что медные статуи – живые люди, так и они принимают за правду *живые сновидения* и думают, что у медных статуй есть сердце. Во всем этом... ни крупинки правды, все ложь» (Lucil. XV. 484–489; курсив мой. – Т.Б.). Сходство с текстом Полибия очевидно. Видимо, перед нами стихотворное переложение его рассказа о Нуме. Самым ярким примером мудрого законодателя-обманщика Полибий считает Ликурга. Дионисий Галикарнасский прямо пишет, что те, кто «очищают историю от всяческих вымыслов», считают, что Нума поступал, как Ликург, выдумывая свои видения, «чтобы люди, питающие страх перед богами,

²¹ Boyancé P. Etudes sur la religion romaine. Rome, 1972. P. 253–282.

²² Толстой И.И. Связанный и освобожденный Силен // Памяти академика Н.Я. Марра. М.–Л., 1938. С. 441–457; он же. Статьи о фольклоре. М.–Л., 1966. С. 97–114; Пронн. Ук. соч. С. 157–165.

охотно приняли установленные им законы, словно ниспосланные богами» (Diopys. II. 61; пер. И.Л. Маяк). Несомненно, под человеком, очищающим историю от вымыслов, понимается Полибий. Поэтому неслучайно Нума у Плутарха сопоставляется именно с Ликургом.

Последователем Полибия был Ливий. Вот как он рисует деятельность Нумы: «...он решил вселить в них (римлян. – Т.Б.) страх перед богами – действеннейшее средство для непросвещенной и, сообразно тем временам, грубой толпы. А поскольку сделать, чтобы страх этот вошел в их души, нельзя было иначе, как придумав какое-нибудь чудо, Нума притворился, будто по ночам сходитя с богиней Эгерией; по ее-де наущению и учреждает он священнодействия...» (Liv. I. 19. 4–5; пер. В.М. Смирин). Мы узнаем здесь знакомые мысли, даже выражения Полибия. Скорее всего, весь приведенный пассаж – сокращенная цитата из греческого историка, каких много в труде Ливия.

Сам Плутарх предпочитает вторую точку зрения и видит в Нуме вдохновенного пророка. Однако давно замечено, что в рассказе о Нуме Плутарх следует Варрону²³, значит, мы вправе предположить, что эта точка зрения принадлежит римскому антиквару. Действительно, Августин сообщает, что, согласно Варрону, Нума узнавал волю богов посредством гидромантии (Aug. De civ. Dei. VII. 35). Однако, видимо, общался он не с самими богами, а с дαιмонами. Августин, желая принизить языческого пророка, говорит, что являлись ему не ангелы Божьи, как ветхозаветным праведникам, а дαιмоны (ibid.). Буаянсе справедливо полагает, что слово «даймоны» не выдуманно христианским писателем, а восходит к самому Варрону²⁴. Плутарх, который следует Варрону, прямо называет Эгерию даймоном (Num. 4).

Итак, Варрон считал, что Нуме во время его гидромантических сеансов являлся даймон. Но он пишет, что к гидромантии прибегал и Пифагор (Aug. De civ. Dei. VII. 35). Таким образом, и Пифагор, согласно Варрону, общался с даймоном. С другой стороны, как близкий к платонизму мыслитель, он должен был признавать даймона Сократа. Мы видим, что из перечисленных Аммианом Марцеллином четырех имен людей, которым являлись даймоны, три, несомненно, восходят к Варрону. Теперь мы с большой степенью вероятности можем предположить, что и о Сципионе как о собеседнике даймона писал Варрон. Интересно отметить, что у Ливия характеристики Сципиона и Нумы совпадают почти дословно: Нума «...решил вселить в них (римлян. – Т.Б.) страх перед богами – действеннейшее средство для непросвещенной... толпы... Была роща... Туда очень часто приходил без свидетелей Нума, будто бы для свиданья с богиней» (I. 19. 4–5; 21. 3; пер. В.М. Смирин); Сципион «убедил толпу, что действует, повинаясь сновидениям и ниспосланным с неба знамениям... Не проходило дня, чтобы он не пошел на Капитолий и не посидел в храме в одиночестве и безмолвии» (XXVI. 19. 3; 5; пер. М.Е. Сергеенко).

Роща с гротом, куда ходил Нума, была святилищем, храмом под открытым небом. Поэтому походы туда Нумы удивительно напоминают походы Сципиона на Капитолий. Это очень интересно. Мы знаем, что во II в. до н.э. Нума был чрезвычайно популярен. Среди эллинофилов был настоящий культ этого царя. Он считался обладателем некой мистической мудрости, учеником греческого мудреца Пифагора и основоположником всех римских наук. Не случайным поэтому представляется появление подложных книг Нумы, где объясня-

²³ Boyancé. Op. cit. P. 262.

²⁴ Ibid. P. 268.

лась природа божества. Незвестные фальсификаторы приписали священные книги именно Нуме. Великий мудрец, казалось, обращался с поучением к своим потомкам²⁵. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что на иконографию этого образа, как он сложился во II в. до н.э., оказала влияние фигура реального Сципиона Африканского, эллиофила и мистика.

Наконец, у Варрона есть один любопытный фрагмент. «Полезно для государства, чтобы храбрые мужи верили, что происходят от богов, даже если это неправда. Человеческий дух, получивший уверенность в себе как бы от божественного корня, идет на подвиги дерзновеннее, совершает их решительнее и преисполнен счастливой беззаботности»²⁶. На кого намекает здесь Варрон? В историографии называются три возможные кандидатуры: Александр Македонский, Ромул и Сципион²⁷. Однако Александра надо решительно отвергнуть. Во-первых, считается, что Александр уверовал в свое божественное происхождение только после визита к оракулу Аммона. Но уже до этого он одержал великие победы при Гранике и Иссе. Во-вторых, Варрон был убежденный республиканец. Притязание же на божественность Александра республиканцы сближали с такими же притязаниями Цезаря, а потому резко осуждали. У Цицерона есть даже целый экскурс на эту тему (Ep. ad Att. XIII. 28).

Слова *fiducia*, *securitate felicius* в рассматриваемом фрагменте совершенно явно намекают на Сципиона. Это его отличительные черты, неоднократно отмечавшиеся древними и новыми авторами. Поэтому почти с полной уверенностью можно утверждать, что речь идет не о Ромуле, а о Сципионе. В таком случае мы можем сделать вывод, что Варрон, видимо, считал Сципиона искренне верующим человеком, получавшим откровения посредством даймона.

Уже при жизни Варрона или вскоре после его смерти были написаны две биографии Сципиона. Автор одной – Гай Оппий, друг Цезаря и Цицерона, второй – Юлий Гигин, вольноотпущенник Августа. Конечно, для науки значительнее имя Гигина. Это был ученейший человек, глава Палатинской библиотеки. Его называли полу-Варрон. Прозвище это, несомненно, указывает, с одной стороны, на ученость, с другой – на то, что Гигин принадлежал к школе Варрона. Сохранившиеся фрагменты не позволяют определить, чем отличались обе биографии Сципиона. Написаны они были явно в мистических тонах. Мы знаем три сообщаемых в них факта: чудесное рождение Сципиона, подробное описание его ночных посещений храма Юпитера и взятие испанской крепости Батеи, где Сципион точно предсказал день и почти что час своей победы (Gell. VI. 1). О визитах в храм мы уже говорили. Остановимся теперь на чудесном рождении героя.

²⁵ Delatte A. Les doctrines pythagoriciennes des livres de Numa // Bulletin de l'Académie royale de Belgique. 1936. XXII. P. 19–40; Boyancé. Op. cit. P. 227–252; Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 116–117; Бобровникова. Сципион Африканский. С. 181–200; она же. Сакрально-правовые и философские взгляды... С. 40–44.

²⁶ Aug. De civ. Dei. III. 4 : utile esse ciuitatibus dicit, ut se uiri fortes, etiamsi falsum sit, diis genitos esse credant, ut eo modo animus humanus uelut diuinae stirpis fiduciam gerens res magnas adgrediendas praesumat audacius, agat uehementius et ob hoc impleat ipsa securitate felicius.

²⁷ Boyancé. Op. cit. P. 261.

У античных авторов существует три версии этого события: 1) отцом Сципиона называют змея²⁸; 2) отцом его назван Юпитер²⁹; 3) неопределенно указывается, что в жилах Сципиона текла не человеческая кровь³⁰.

Начнем с первой версии. Ее придерживались Гигин и Оппий. Очень большую цитату или близкий к тексту пересказ из их сочинений приводит Авл Геллий. Мать Сципиона долго считалась бесплодной, супруги отчаялись иметь детей. Неожиданно ночью на ее ложе появился змей. Узнав об этом, муж спросил гарусников. Они возвестили, что родится ребенок. Через 10 месяцев на свет появился Публий Сципион (Gell. VI. 1). Другие авторы сообщают, что во все роковые моменты его жизни Сципиону являлся змей. Когда он был совсем маленьким, его обвинил змей, не причинив никакого вреда ([Aur. Vict.] De vir. ill. 49. 1). Едва он высадился в Африке, к лагерю подполз змей; Сципион счел это за доброе предзнаменование (Dio Cass. 17. 57. 63). Могила его стережет исполинский змей (Plin. NH. 16. 234–235).

Античные писатели обращали внимание на сходство этого предания с рассказом о рождении Александра Македонского. Тогда же возникла догадка, что весь этот эпизод просто взят из биографии македонского царя. Но это кажется маловероятным. Вряд ли такой уважаемый ученый, как Гигин, просто выдумал предание о Сципионе. С другой стороны, по словам Авла Геллия, в его время стало модным сравнивать Александра со Сципионом. Каждому поступку в жизни македонца находили аналогию в биографии римлянина. Так, великодушное поведение Сципиона с испанской пленницей сравнивали с тем, как обошелся Александр с семьей Дария. Взятие Нового Карфагена сравнивали со взятием Тира и т.д. Но было бы рискованно на этом основании отрицать сами эти факты. Пленница действительно была отпущена Сципионом. Об этом сообщает Полибий, который еще не сравнивал Сципиона с Александром. А Новый Карфаген был действительно взят. Поэтому и в данном случае мы должны действовать с осторожностью.

Вывод, к которому пришли античные писатели, находился в полном согласии с состоянием тогдашней науки. В древности не существовало ни сравнительной этнографии, ни фольклористики. Поэтому находя у двух разных народов одинаковые легенды, античные ученые приходили к выводу, что один просто заимствовал их у другого. От таких представлений наука давно отказалась. И если сказание о Ромуле удивительно напоминает предание о Кире, мы не можем утверждать, что древние персы просто заимствовали его у итальянцев, заменив волчицу на собаку.

Со змеями в античности связан целый комплекс представлений. Совершенно очевидна связь змей с героями и основателями городов. В греческих легендах змей предстает отцом многих героев. По словам Павсания, мессенцы считали, что с матерью Аристомена «сочетался даимон или бог в облике змея. Я знаю, что такое же предание рассказывают македонцы об Олимпиаде, а сикионцы об Арате»³¹. Вспомним, что Дионис Загрей рожден от Персефоны и Зевса, принявшего облик змея. Дриоп таким же образом рожден от Аполлона. От Аполлона

²⁸ Gell. VI. 1; [Aur. Vict.] De vir. ill. 49. 1; Dio Cass. 16. 57. 39; Liv. XXVI. 19; Quintil. Inst. orat. II. 4. 19.

²⁹ Val. Max. I. 2. 2; Dio Cass. 16. 57. 39; [Aur. Vict.] De vir. ill. 49. 1.

³⁰ Liv. XXXVIII. 58. 7; Val. Max. VI. 9. 2.

³¹ Paus. IV. 14. 778; Арат почитался в Пелопоннесе как герой (Polyb. VIII. 14. 7–8; Plut. Arat. 53; Paus. II. 9. 4).

в образе дракона, видимо, по древнему преданию, был рожден Иам. У Пиндара от этой легенды осталось то, что мальчика вскармливает две змеи (Olymp. VI. 45–47). Сюда же относятся многочисленные сказания о героях-полузмеях. Таков был Кекропс Афинский, таков был основатель Фив Кадм, ставший змеем и правивший народом, выросшим из зубов дракона, или основатель одного племени, который, по рассказу Страбона, из дракона стал человеком (Strabo. XIII. 1. 14). По словам Плутарха, «из всех животных древние чаще всего посвящали героям змею» (Cleom. 39). Такого рода предания распространены по всему миру. Достаточно вспомнить былинного Вольгу Святославича, которого мать родила «от змия люта» и который стал и великим богатырем, и хитрым волшебником. В.Я. Пропп отмечает изначальную связь змея с героем в русском фольклоре, что позволяет считать змея отцом или мифическим предком героя³². Подобные мифы находим и в Риме. Известно, что Фавн сошелся с Bona Dea в облике змея, и священные змеи обитают в ее храме (Macrobi. Sat. I. 12. 21–29). Культ змей существовал в Ланувии, а возможно, и в Этрурии. Змей обвинил в детстве маленького Росция, ставшего впоследствии великим актером, которого никто, конечно, не собирался сравнивать с Александром (Cic. Div. I. 79).

Все эти факты показывают, что сказания об Александре и Сципионе имеют не литературные, а фольклорные корни. В Риме змей играл еще и другую роль: его неизменно изображали рядом с гением и ларами. Дух мертвого отца является Энею в облике змея (Verg. Aen. V. 84–95). Известно, что у familia Cornelia были особые религиозные обычаи, особые погребальные обряды и верования (Macrobi. Sat. I. 16. 7). Есть некоторые свидетельства того, что у рода Корнелиев были какие-то следы культа змей. В саду у Корнелии, дочери Сципиона, появились две змеи, и это предвещало смерть хозяйке дома или ее мужу (Cic. Div. I. 36; Plut. Ti. Gracch. 1). Старший сын той же Корнелии, Тиберий, ночью видит змея и понимает, что утром умрет (Plut. Ti. Gracch. 17). Итак, появление змея потомкам Сципиона предвещает смерть, но матери Сципиона оно сулило рождение сына. Можно высказать гипотезу, что в облике змея являлся их предок или дух рода, чтобы возвестить смерть или рождение. Это проливает свет на один эпизод, который в юности наблюдал сам Цицерон. Корнелий Сулла осаждал город Нолу. Внезапно из-под земли выползла змея. Сулла немедленно воспрянул духом и устремился на штурм, уверенный, что боги обещают ему победу (Cic. Div. I. 72). Таким образом, явление змея обрадовало Корнелия Суллу, как и Сципиона. Но тот же Цицерон передает, что враг и соперник Суллы Марий увидел, как орел сражается со змеей. Марий с напряженным вниманием следил за этим поединком, и когда победил орел, уверовал в свою победу (ibid. I. 106). Таким образом, змей для Суллы был вестником победы, для Мария же именно его поражение служило добрым знаком. Вероятно, змей был гением Корнелиев.

В «Сципионовой легенде» появление змея избавляло от бесплодия. Это очень архаичное представление. В Греции известен рассказ, как женщина отправилась лечиться от бесплодия в храм Асклепия. Она провела там ночь и во сне имела общение со змеем, посвященным богу. После этого у нее родилось два близнеца³³. Пропп пишет: «Змея может фигурировать как отец, как предок... Змей... представляет собой отцовское начало, а через некоторое время становится предком». В Африке, если змея приближается к женщине, думают, что

³² Пропп. Ук. соч. С. 274–276.

³³ Томсен Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 213.

она зачала. Бездетные матери вымаливают себе детей у змеев. Если змей снится во сне, это знак рождения ребенка. Многие считают, что такой ребенок сам будет обладать колдовскими способностями и властью над водой³⁴.

Замечу, что в древнейших италийских легендах герой как раз рождался от духа предков. Отцом Ромула называли огненный призрак, выходящий из огня (Plut. Rom. 2). Таким же огненным призраком, Ларом, духом очага, был отец Сервия Туллия. От искры из очага был зачат и основатель Пренесте Цекула (Serv. Aen. VII. 678; Schol. Veron. Aen. VII. 681). Более поздние легенды стремятся назвать отцами этих героев какого-то из олимпийских богов. Так возникает сказание, что отец Ромула – Марс, а отец Цекулы – Вулкан.

Светоний сообщает, что Гигин был близким другом поэта Овидия. Можно думать, что их творчество чем-то соприкасалось. Овидий – чуть ли не единственный латинский поэт, который, говоря современным языком, занимался этнографией. Его «Фасты» являются чисто «этнографической» работой: он собирал полузабытые предания в сельских местностях, наблюдал деревенские праздники, записывал обряды, давно уже оставленные в Риме, говорил с пряхлыми жрецами в сельских храмах. Возможно, Гигин также не был чужд этого метода, и ему удалось набрести на забытое предание. Очень интересные сведения, подтверждающие эту гипотезу, находим у Плиния Старшего. Он описывает Литерн, город в Южной Италии, где был похоронен Сципион, и пишет: «Subest specus in quo manes eius custodire draco traditur» (NH. 16. 234–235). Само слово traditur указывает на местное предание.

Вторая версия называет отцом Сципиона Юпитера. Она, по-видимому, имеет более позднее происхождение. У Диона и Аврелия Виктора змеем был Юпитером, обернувшимся драконом (Dio Cass. 16. 57. 39; [Aur. Vict.] De vir. ill. 49. 1). Но ни у Ливия, ни у Авла Геллия дракон еще не связан с Юпитером. Вероятно, слухи о том, что Сципион – сын Юпитера, возникли потому, что он заперся ночью в cella капитолийского храма. По крайней мере, такую причинную связь не исключают Валерий Максим (I. 2. 2) и Дион (loc. cit.). Впоследствии эти слухи были стилизованы в духе греческой мифологии, что мы видим у Силия Италика. Однако замечательно, что Овидий, вообще-то любивший подобные мифы, нигде не называет Юпитера отцом Сципиона³⁵.

Не известно, когда появляется легенда о божественном происхождении Сципиона – при его жизни или уже после смерти. Во всяком случае очевидно, что эта молва шла не от него самого. Возникает любопытный вопрос, связана ли легенда о змее с голосом даймона, который слышал Сципион. Дело в том, что греческое слово даймон Цицерон переводит как «Лар» (Tim. 38). Как отмеча-

³⁴ Пропт. Ук. соч. С. 275–276.

³⁵ У нас нет ни одного свидетельства, подтверждающего существование слухов об отцовстве Юпитера в эпоху Сципиона. Есть мнение, что такого рода свидетельство следует видеть в пьесе Плавта «Амфитрион» (Galinsky G. Scipionic Themes in Plautus' Amphitritio // TAPhA. 1966. 97. P. 203), где будто бы под Алкменой разумеется мать Публия, под Амфитрионом – его обманутый отец, а под Гераклом – сам герой. Скаллард не принимает и не отвергает подобной возможности. Дело вот в чем. Если бы было доказано, что вера в божественное происхождение Публия была действительно распространена при его жизни, сам выбор сюжета для пьесы приобрел бы значение намека. Но если доказательства искать в самой пьесе, то нас ждет разочарование. При всем желании у Плавта нельзя найти никаких указаний на Сципиона. Он ни на шаг не отходит от традиционного мифа. Даже говоря о блистательном будущем героя, Плавт не упоминает, скажем, об Испании, где отличились и Геракл, и Сципион.

лось исследователями, связь ларов с духами предков видна в том, что шкаф с масками предков назывался ларарий³⁶. Согласно Сервию, лары обитали в очаге, и сам очаг в древности назывался ларом (Aen. III. 134). Вспомним, что Цекула и Сервий Туллий родились как раз от духа очага, т.е. от Лара. С другой стороны, были еще лесные лары. Они считались душами мертвых, жившими в лесах (Serv. Aen. I. 441). Варрон отождествляет с даймонами души героев, которыми наполнен воздух (Aug. De civ. Dei. VII. 6). Само греческое слово «герой» опять-таки передавали как «Лар», о чем свидетельствует надпись Энея³⁷. Если верно, что змей – дух рода Корнелиев, их предок и, согласно преданию, родитель Сципиона, то он вполне мог отождествляться с даймоном победителя Ганнибала. Возможно, сам Сципион отождествлял своего даймона со змеем, возможно такое отождествление возникло после его смерти. Во всяком случае, вполне вероятно, что эти рассказы и послужили основанием для появления легенды о змее-отце.

Личность биографа Сципиона Гигина, на наш взгляд, дает ответ на еще одну загадку, интриговавшую исследователей. Мы знаем три случая Сципионовых «чудес» – взятие Нового Карфагена, предсказание о Батее и явление даймона перед битвой при Илипе. Все это происходило в Испании. Почему же ничего подобного источники не сообщают об африканской кампании? Некоторые предполагают, что «связи» Сципиона с богами прекратились³⁸. Однако такой вывод противоречит мнению античных писателей, которые в отличие от нас знали всю традицию. О Полибии мы уже говорили. Ливий подчеркивает, что Сципион вел себя как «духовидец» всю жизнь (hic mos per omnem uitam seruatus – XXVI. 19. 6). Почему же мы знаем так много именно об Испании? Гигин был родом из Испании. Испанские события, естественно, интересовали его больше всего. Он мог собирать рассказы, ходившие о Сципионе в испанских городах. Наконец, можно предположить, что он нашел какие-то записки очевидца об испанской кампании. Гигин, видимо, был источником Аппиана, хотя, вероятно, не непосредственным.

III

Остается сказать несколько слов о психологическом аспекте проблемы. Это труднее всего, так как от Сципиона не сохранилось ни писем, ни каких бы то ни было сочинений. Как мы видели, в античности существовало две теории. Согласно Полибию, Сципион был ловкий обманщик, морочивший людей своими «видениями». Варрон же напротив считал его глубоко верующим человеком; за Варроном следовали Гигин и Аммиан Марцеллин. Ливий упоминает обе эти точки зрения, но сам не склоняется ни к одной. В XIX в. ученые решительно примкнули к Полибию, так как его философские взгляды соответствовали их собственным. Моммзен почти дословно повторяет мысли Полибия о политике, манипулировавшем толпой³⁹. Сейчас того же мнения придерживается такой серьезный исследователь, как Н.Н. Трухина. Она даже считает, что Сципион в своей ставке разоблачал перед ближайшими офицерами свои «видения» и смеялся над ними⁴⁰. Другие исследователи Сципиона (Холлвард, Хейвуд и Скал-

³⁶ Scullard H.H. *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. N.Y., 1981. P. 17.

³⁷ Федорова Е.В. Ранняя латинская письменность. VII–II вв. до н.э. М. 1991. С. 52–53.

³⁸ Haywood. Op. cit. P. 53; Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 85–86.

³⁹ Моммзен Т. История Рима. Т. I. М., 1936. С. 596.

⁴⁰ Трухина. Ук. соч. С. 72.

лард) думают, что он был искренне религиозным человеком, но религиозность эта была традиционно римская, ничем не отличавшаяся от религиозности его современников. Только Скаллард в первой своей книге называет Сципиона мистиком. Но во второй книге он от этого определения как будто отказывается.

Мы не можем согласиться ни с одним из этих мнений. О теории Полибия мы уже говорили. Что касается второй гипотезы, то, будь Сципион просто набожным человеком вроде Фабия Максима, как вообще возникла бы легенда? Напомним то, с чего мы начали: легенда бытовала у трех разных народов и возникла при жизни героя. Почему? В этом вопросе среди древних авторов нет разногласия. Вся античная традиция говорит, что причиной возникновения легенды был сам Сципион – его поведение и рассказы. Вещие сны, видения, голоса – все это создает весьма определенный образ, очень далекий от традиционного римского представления о набожности. Согласно Аппиану, его видения заражали зрителей (Iber. 100–103). Полибий дает этим рассказам рациональное толкование, но отрицать сам факт не может. Мы должны принять, что Сципион действительно говорил о своих видениях и голосах.

Прежде всего, как боги «являлись» Сципиону? Из слов Полибия и Ливия явствует, что он видел их во сне, наяву же слышал только голос (Polyb. X. 2. 9; 5. 5; Liv. XXVI. 41. 18). Это согласуется со всей античной традицией, Ф.Ф. Зелинский, исследуя греческую трагедию, говорит, что герои лишь слышат голос богов или видят их во сне⁴¹. Такой же материал можно найти в верованиях «примитивных» народов – дух-покровитель является только во сне⁴². Можно заметить, что сам Сципион и все окружающие приписывали богам сам момент озарения. Весь план взятия Нового Карфагена был, по словам полководца, внушен ему явившимся во сне Нептуном (Polyb. X. 11. 7). Люди верили, говорит Полибий, что «все его планы складывались при участии божественного вдохновения» (X. 2. 12; ср. App. Iber. 88; Liv. XXVI. 19). Факт озарений во сне широко известен. Менделеев увидел во сне свою периодическую таблицу. Разумеется, такому озарению должна предшествовать долгая и напряженная работа мысли. Ученый много месяцев думал над проблемой, прежде чем увидел во сне таблицу. Вот почему подобный сон мог присниться именно ему, а не автору этих строк. Нечто подобное происходило со Сципионом. Всю зиму, по словам Полибия, он упорно думал, как взять Новый Карфаген. Он расспрашивал рыбаков, чертил план местности, и тут ему приснился сон, где он увидел, как вести осаду. Но так как он был человеком религиозным, сон его имел ярко выраженную религиозную окраску.

Вторым способом получения вдохновения для Сципиона, был, как мы видели, голос дaimона. Аппиан, например, рассказывает, что перед битвой при Илипе, где у противника было огромное численное превосходство, Сципион провел несколько дней в мучительных колебаниях. Затем он явился к войску с просветленным лицом и сказал, что явился его дaimон и позвал его на врагов (Iber. 101–102). Разумеется, сразу же вспоминается дaimон Сократа. Он являлся в виде вещего голоса⁴³. Его знака Сократ ожидал перед всеми важными событиями. Ко-

⁴¹ Софокл. Драмы / Пер. со введением и вступит. очерком Ф.Ф. Зелинского. Т. 1. М., 1914. С. 33.

⁴² Пропт. Ук. соч. С. 188–189.

⁴³ Plat. Phaedr. 242 b–c; Theaet. 151 a; Alcib. Mai. 103 a–b; Euthyd. 272 e. Кроме того, о нем говорит Ксенофонт (Mem. I. 1. 2–5). Для Аристотеля «что такое дaimон Сократа» – обычный риторический вопрос (Rhet. II. 23. 8. =1398 a). Кроме того, о нем писали поздние авторы – Апулей (De deo Socratis) и Плутарх (De genio Socratis).

гда он шел на суд, он ждал указаний даймона. «Ведь прежде, когда я что-нибудь говорил, он останавливал меня даже на полуслове». Но дух молчал. И Сократ понял, что он велит ему умереть (Plat. Apolog. 40 a-b). Даймон Сократа был также постоянно всю жизнь сопровождавшим его божественным голосом, в веле-ния которого он твердо верил. Голос давал ему указания, как и Сципиону. Сократ пошел на смерть, получив указания даймона. Сципион, по свидетельству Аппиана, не мог идти на битву, пока не услышит голос даймона. Очевидно, именно этот голос давал ему полную уверенность в победе, которую отмечали античные авторы. Такое толкование, как мы видели, предлагает Варрон. При этом, конечно, совершенно исключено, что Сципион подделывался под Сократа или что кто-то из историков сознательно стилизовал его под Сократа. Сципион мог подражать Александру. Латинские историки могли стремиться подчеркнуть это сходство, чтобы показать его римским Александром. Но было бы нелепостью думать, что знаменитый полководец мог подделываться под философа. Не могли настаивать на этом сходстве и римские писатели.

Никто никогда не отрицал даймона Сократа; его не считали ни хитрым обманом, ни признаком безумия. Сократ также часто, как он полагал, получал указания от богов во сне. Вот почему нет никакой причины не верить, что и Сципион, как ему казалось, слышал голос. Мы не знаем, употреблял ли сам Сципион слово «даймон» или говорил просто о божественном голосе. В последнем случае слово даймон мог применить к нему Варрон. Однозначно ответить на это нельзя.

Необходимо еще остановиться на ночных посещениях Сципионом Капитолия. Возникает вопрос, зачем Сципион ходил ночью в храм? Холлвард называет Сципиона «искренним фанатиком» и отмечает, что он проводил ночи в горячих молитвах⁴⁴. Но никто из античных писателей не говорит о молитвах. Греки и римляне совершали священнодействия и молитвы вне храма, у алтаря. Зачем же было Сципиону входить в храм, специально просить отпереть ему cella, и делать все это ночью? Почему он хотел молиться в столь необычном месте? Известно, что римский храм считался домом божества, cella была как бы покоем самого Юпитера. Вот почему эти посещения храма ассоциировались у античных авторов не с молитвой, а с визитами к божеству. Аврелий Виктор, следовавший в своем рассказе Гигину, говорит, что Сципион проводил много часов в cella Юпитера, «как бы получая у божества совет»⁴⁵. У Авла Геллия: «Он долго оставался там в одиночестве, как бы совещаюсь о государственных делах с Юпитером»⁴⁶. Вспомним, что Нума, с которым мы недавно сопоставляли Сципиона, ходил в священную рощу, бывшую храмом под открытым небом, для свидания с богиней, которая давала ему советы по всем важным вопросам.

Итак, Сципион ходил не для молитвы, а для озарения. Но мы знаем, что боги открывали ему свою волю либо с помощью божественного голоса, либо во сне. Вот почему логично предположить, что в храме Сципион погружался в сон. Это соответствует античной традиции. Для того чтобы получить вещание Асклепия, в его святилище проводили ночь. Один из эфоров, убитых

⁴⁴ Hallward. Op. cit. P. 84.

⁴⁵ quasi divinam mentem acciperet ([Aur. Vict.] De vir. ill. 49. 3).

⁴⁶ Scipionem hunc Africanum solitauisse noctis extremo, priusquam diluculet, in Capitolium uentitare ac iubere aperiri cellam Iouis atque ibi solum diu demorari quasi consultantem de republica cum Ioue (Gell. VI. 1. 3).

Клеоменом, видел перед тем вещий сон в храме Пасифаи (Plut. Cleom. 7). Ганнибал, желая получить предсказание, спал в храме (Cic. Div. I. 49). Вергилий описывает древний оракул Фавна, находившийся в священной роще. Туда приходили узнать судьбу все италийцы. Они расстилали шкуру овцы, ложились на нее и засыпали. Во сне являлся Фавн (Aen. VII. 81–95). Овидий добавляет, что приходиться надо было ночью (Ovid. Fast. IV. 649–664). Наконец, напомним уже приводившиеся строки поэта Стация, где он прямо говорит, что сны Сципиону посылал Юпитер, т.е. они, видимо, были связаны с его храмом (Silv. III. 292–293).

* * *

Подведем итоги.

«Сципионова легенда» – сложный комплекс разновременных представлений. Ядро его сложилось при жизни самого героя под влиянием его поведения и рассказов. Это поведение оказало большое влияние на иконографию образа Нумы, как он сложился во II в. до н.э. В античности было две традиции в объяснении «легенды». Первая восходит к Полибию, который сделал попытку объяснить поведение Сципиона рационально и усмотрел в нем ловкого обманщика. Но попытка эта не имела под собой ни фактов, ни доказательств. Вторая традиция восходит к Варрону, который верил в искренность полководца. Он дал видениям Сципиона толкование в духе платонизма и пифагорейства. Его последователем был Гигин, который собирал местные предания, особенно в Испании, и добавил ряд ценных подробностей, в частности предание о змее, который был родовым духом Корнелиев.

«THE LEGEND OF SCIPIO» IN ANCIENT HISTORICAL TRADITION

T. A. Bobrovnikova

The paper re-considers all the sources having to do with the so-called «Legend of Scipio», including the data of comparative ethnography and folklore studies. The author comes to the conclusion that Polibius' account was not based upon real facts. It is no more than a curious attempt to apply his historical idea of how religion is born in generally to the particular case of the «Legend of Scipio». Therefore, the wide-spread literary cliché depicting Scipio as one who could easily manipulate the mob and simulate divine inspiration is to be rejected. This image was created entirely by Polybius so that it could fit his theory.

One common source lies under the accounts of Julius Hyginus, Appianus and Ammianus Marcellinus, namely Varro, who trusted the legend and interpreted it in the line of his Pythagorean-Platonic concept of *daemones*. The core of the legend was formed by Scipio's own accounts (Scipio believed in his inspiration). The details added to the core were not due to the literary tradition and to the comparison with Alexander the Great (as some used to think), but were rooted in Italic folk tradition. The author puts forward a hypothesis that Scipio's legendary image influenced Numa's iconography in Rome in the 2nd century BC.